

69. *Ferluga J.* Bizanzio e Zara//Zadarska Revija 1967. № 2–3. Reprint, in: idem. Byzantium on the Balkans; Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs from the VIIth to the XIIth Centuries. — Amsterdam, 1976.
70. *Margetić L.* Tribuni u srednjovjekovnim Dalmatinskim gradskim općinama//ЗРВИ. — 1975. — № 16.
71. Анна Комнина. Алексиада. — М., 1964.
72. *Советы и рассказы Кекавмена.* — М., 1972.
73. *Constantine Porphyrogenetos.* De ceremoniis. Ed. et tr. A.Vogt. — Paris, 1967. — Vol. 2, liv. 1.
74. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. — М., 1996. — Т. I.
75. *Vogt A.* Commentaire//Constantine Porphyrogenetos. De ceremoniis. — Paris, 1967. — Vol. 2.
76. *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. — L'Eparque. I. L'Eparque de la ville//Byzantinoslavica. — 1980. — № 61.
77. *Пигулевская Н. В., Литвиц Е. Э., Сюзюмов М. Я., Каждан А. П.* Город и деревня в Византии в IV–XII вв.//Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. — Beograd, 1963. — Vol. 1.
78. *Панов В.* Городское самоуправление в Охриде в правление Алексея I Комнина //Actes du XVe Congrès international d'études byzantines. — Athenes, 1980. — Vol. 4.

С. Б. Сорочан

Больница в ранневизантийском Херсоне

Б ыло бы полезным, учитывая развитый уровень медицины и лечебного дела Византии IV–IX вв., присмотреться к его состоянию в ранне-средневековом Херсоне, тем более, что подобные попытки до сих пор не предпринимались исследователями этого центра. Нет сомнений, что ромейский город такого значения и величины, насчитывавший около 6–7 тыс. населения, не мог не располагать специально отстроенными благотворительными учреждениями — богадельнями, гражданскими или монастырскими больницами — ятринами и носокомионами.

Подозревать наличие подобного учреждения позволяют остатки внушительного сооружения, занимавшего часть огромного архитектурного комплекса общей площадью 1600 кв. м, раскопки которого ведутся с перерывами вот уже больше ста лет, но еще не окончены. Находясь в сотне метров к западу от комплекса помещений «дворца» (здания «Г») и «малой агоры», он был пристроен к 13 куртине оборонительных стен, рядом с Южными, или, как их называли херсониты, «Мертвыми» воротами, а на севере примыкал к главной поперечной улице шириной 5,5 м. Прежде на месте западной оконечности архитектурного комплекса находились обнаруженные в ходе раскопок грунтовые могилы с погребальным инвентарем, краснолаковыми кувшинами, мисками, светильниками II–IV вв., которые указывают на то, что здешние постройки, интерпретация которых остается открытой, появились на этом окраинном участке города не ранее IV–V вв. [1, с. 670–675].

Часть сооружения в древности подвергалась перестройкам, в которых очень трудно разобраться. Единственное, что удалось установить, да и то под вопросом, так это принадлежность обнаруженных К. К. Косцюшко-Валюжиничем в ходе раскопок 1898 г. трех больших помещений с широкими дверями и сводчатыми просветами к общественным

баням. Они примыкали с запада к глухой боковой стороне водохранилища длиной 28 м, шириной 13,4 м, с сохранившейся глубиной 3,75 м, способного вместить свыше 1800 куб. м воды. Стены архитектурного комплекса были сложены из подтесанных камней, залитых крепким раствором из извести, песка и толченой керамики, а местами строители прибегли к использованию популярной в ранней Византии кладки *opus mixtum*, которая в Херсоне использовалась преимущественно при сооружении общественных зданий второй половины VI—начала VII вв. К. К. Косцюшко-Валюжинич записал в отчете о системе водопроводных труб, окаймляющих здание снаружи и проходящих отчасти в стенах из верхнего, несохранившегося этажа, об очень гладком, почти блестящем, залитом розовой цемянкой поле, об отопительных каналах, сложенных из каменных плит, которые тянулись от трех обогревательных печей и, по его мнению, находились под полом крайнего, южного, самого обширного помещения (длина 18 м, наибольшая ширина 11,5 м, наименьшая — 8,75 м) площадью около 180 кв. м с полукруглой нишей — экседрой на западной стороне [2, с. 113–119; 3, л. 10–12]. Из этого зала к северу в соседнее помещение вели два проема (ширина одного — 0,9 м, другой разрушен)¹. Дальше лежал еще один прямоугольный зал (11,5×7,3 м), а за ним еще один. Именно водопроводные трубы и ничто иное позволили руководителю раскопок высказать неуверенное предположение, что, «по-видимому, это — нижний этаж древних терм», и данное мнение прижилось [5, с. 10].

Между тем, в экседре, как заметил К. К. Косцюшко-Валюжинич, выглядевшей «наподобие апсиды храма», находилось необычное для банного зала сводчатое окно шириной 0,85 м снаружи и 0,76 м внутри. Высота от пола до начала обрушившегося свода составляла 1,07 м [3, л. 11]. По периметру экседры были устроены шесть столбиков высотой не менее 1,25 м из специально сделанных очень больших и толстых кирпичей, а перед ними, почти по центру помещения, находился разбитый на четыре части, по выражению К. К. Косцюшко-Валюжинича, «как бы упавший сверху», мраморный «бассейн» для омовений, диаметром 1,25 м, высотой 0,53 м и 0,27 м толщиной стенок, весьма напоминавший круглую купель для крещения, а в помещении напротив — зарытый по самое горло большой пифос. К экседре подходил водосточный канал, как выразился К. К. Косцюшко-Валюжинич, солидной работы, с боков и сверху обложенный плитами [3, л. 10]. Водосток шел параллельно наружной стене комплекса в направлении соседней стены крепостной куртины 13. Здесь же, вдоль западной стороны, проходила улица или находилась площадь, где было найдено особенно много «обломков доньшек, ручек и горл от флакончиков, ножек от широких рюмок и кусков от плоских сосудов» [3, л. 11–12; 6, с. 116]. Обращает также внимание на первый взгляд необъяснимая многочисленность находок ступок при раскопках залов «терм» (две мраморные и три обломка от каменных) [6, с. 118]. Тем не менее, остается непонятным, был ли здесь префурний, откуда подавали тепло в гипокауст и согревали пол предполагаемого кальдария. Если он находился в тесном междустенном пространстве шириной 1,4 м к югу от зала с экседрой, куда выводили три узких проема, облицованных песчаником и, возможно, являвшихся устьями обогревательных печей, тогда почему там же проходили ветки водопроводных гончарных труб, огибавшие снаружи выступ экседры самого большого помещения «терм»? [3, л. 11–12; 5, с. 11; 6, с. 115–116, рис. 13]. И даже если это следы именно префурния, где подпорные столбы гипокауста в соседнем зале? Детально описав 6 высоких кирпичных столбиков вдоль экседры и тщательно зафиксировав расстояние между ними, колебавшееся между 70 и 85 см, К. К. Косцюшко-Валюжинич не случайно не обмолвился об остальных. Нет также следов мощного слоя гари и сажки, обычного в таких случаях, иногда целиком заполнявшего подпольное пространство гипока-

¹ Во время раскопок 1999 г. удалось выяснить, что в этом помещении в более позднее время вдоль стены водохранилища было построено еще одно, разделившее первоначальный зал на две части [4, л. 5–8, рис. 10, 11, 13].

уста, как это было при раскопках римских и византийских терм Херсона. Наконец, отсутствуют обязательные в таких случаях ванны, облицованные цемянкой.

Раскопки А. В. Седиковой в 1999 г. уточнили конструкцию пола нижних помещений. Он был уложен на слой мелкого бута толщиной 10–15 см, а сверху залит прочным известково-цемянковым раствором, содержащим мелкий щебень. Общая толщина пола достигала таким образом 20–25 см [4, л. 6; 7, л. 8–9]. Однако цемянковые покрытия не обязательно являлись достоянием только бани. Например, они прослеживаются в некоторых помещениях римской вексилляции в Балаклаве и в помещении II в. н. э., раскопанном в 1997 г. на месте Южной площади в цитадели Херсонеса [8, л. 8–10; 9]. Наконец, цемянкой покрывали не подпольное помещение гипocausta, а верхний пол калдария и, значит, системы гипocausta, обязательной для бани, комплекс из открытых трех просторных залов не знал. Прочная отделка пола имела иное значение, объяснимое в том случае, если он предусматривал частое, регулярное, тщательное мытье, уборку.

Внутренние помещения, разделенные каменными стенами с сохранившимися в них широкими дверными проемами и сводчатыми просветами, представляли большие залы, очевидно, со сводчатыми же, как говорили византийцы, «камарными» перекрытиями, весьма редкими для Херсонеса римской эпохи. Судя по внушительной толщине стен, державших эти перекрытия, можно предположить, что здание было двух- или даже трехэтажным. В силу своего расположения на линии водораздела в возвышенной части Херсонесского мыса оно, наряду с четырехапсидным купольным мартирием (№ 47), являлось самой высокой доминантой города, видной издалека. Уже первых раскопщиков поразило обилие остатков его богатой отделки, куски мрамора, возможно, от оконных наличников и дверных проемов, многочисленные обломки узких и тонких беломраморных карнизов, плиток, которыми, вероятно, были внутри облицованы стены, куски штукатурки с фресками, толстых, литых оконных стекол, к слову, тоже необычных для бани [10, с. 37; 2, с. 113–119. Только в отчете за 1898 г. указаны 14 карнизов, 18 обломков мраморных плиток и 135 кусков оконных стекол (5, с. 11; 6, с. 116)]. При этом К. К. Косцюшко-Валюжинич счел необходимым заметить, что подобные же узкие карнизы были найдены в 1901 г. при доисследовании Уваровской базилики — кафоликона (№ 23) и баптистерия (№ 24), причем в последнем такой обломок еще сохранился на своем месте [11, л. 46]. Уже одно это обстоятельство может указывать на хронологическую близость сооружения комплекса с водохранилищем и кафедрального центра конца VI в. на северном берегу.

Здание в своей южной части покоилось на феноменально высоком фундаменте (до 5,5 м), что объясняется необходимостью выровнять мощной подсыпкой крутой склон материковой скалы, выходящей в этом месте и уступом спускающейся в направлении близкой линии крепостных стен. Кроме того, в глухих, толщиной до 2 м стенах водохранилища и соседних с ним помещений видны выходы вертикальных гончарных труб, по которым в соседние глубокие дренажные колодцы стекала вода с обширной кровли здания. Параллельно восточной стороне водохранилища, на расстоянии примерно 10 м от нее, проходила стена с четырьмя расположенными на равном расстоянии друг от друга пилястрами, на которые, возможно, опирались сводчатые арки, но были ли они функционально связаны с комплексом огромного закрытого резервуара — водонакопителя (*castellum aquae*), остается гадать.

Новейшие раскопки крайнего, северного большого зала «терм» показали, что на его месте первоначально находилась усадьба, поскольку под цемянковым полом помещения в скале, на которую он был уложен, были сделаны искусственные подрубки, в том числе круглая яма диаметром около метра, очевидно, для установки пифоса [7, л. 9, рис. 32]. В глинистом слое толщиной до полуметра, подстилающем цемянковый пол, оказались обломки краснолаковой посуды II–III вв., амфор, которые не выходят за пределы III–первой половины IV вв. и которые определяют, таким образом, *terminus*

post quem вышележащего сооружения¹. Монеты, в свое время обнаруженные здесь К. К. Косцюшко-Валюжиничем, тоже не противоречат возможности отнесения строительства архитектурного комплекса к ранневизантийскому времени². Таким образом, не оправдывается предложение Н. В. Пятышевой, ведшей здесь в 1958–1974 гг. археологические исследования, видеть в постройке раннесредневековый дом-замок, якобы воздвигнутый в конце 30–начале 40-х гг. IX в. первым стратигом созданной новой фемы Херсон, посланцем василевса Феофила, протоспафарием Петроной Каматиром [13, с. 141–158 (особ. с. 149)]. Не соответствует она и гимнасию первых веков н. э., поскольку возникла позже [ср.: 31, с. 33–35].

Тем не менее, весь монументальный архитектурный комплекс прожил долгую жизнь. Стены, отделявшие залы, носят следы двух строительных периодов. Во время второго, более позднего, разрушенные участки стен закладывали бутовой кладкой на грязевом растворе, что отличает эту кладку от более ранней, из обработанных с лицевой стороны камней на известково-цемянковом растворе и с использованием *opus mixtum* [14, л. 6]. Здание с залами было возведено несколько раньше водохранилища, на что указывает водосток в среднем помещении, куда сливалась вода из керамических труб, проведенных с крыши в стенах. После постройки водохранилища этот водосток потерял значение. Вертикально проложенные в стене керамические трубы, удалявшие воду с крыши здания, были перенесены на восточную сторону водохранилища, вдоль которой был устроен водосток из каменных плит. Единственная сохранившаяся здесь труба в стене имеет меньший диаметр, чем переставшие функционировать трубы. Однако водохранилище со временем тоже пережило ремонт, в результате которого за счет облицовки из хорошо обработанных квадров на известково-цемянковом растворе была увеличена толщина стен (до 2,0–2,3 м), а выходы гончарных труб, проходивших вертикально в стенах водохранилища, оказались перекрыты новой облицовкой [15, л. 4].

Раскопки засыпи водосборной цистерны, возобновленные с 1987 г. Л. В. Седиковой, позволили установить, что эта часть сооружения прекратила свое существование в первой половине–середине IX в. [16, с. 238–240], причиной чему, скорее всего, явилось прекращение поступления воды из прежних загородных источников, то есть нарушение природной экологии и водного баланса. Некоторое время огромный бассейн стоял незасыпанным: падала штукатурка, начала рушиться верхняя кладка стен. На это указывают кучи мелкого песка на дне вдоль стен, выше которых лежат строительные остатки — бут, куски раствора [15, л. 5, 11; 17, л. 3; 18, л. 3; 19, л. 1–2; 20, л. 4].

Едва ли засыпь возникла за короткий срок. Она представляет собой четырехметровый мусорный завал с многочисленными линзами под углом 30° к центру. Засыпка водохранилища велась со всех сторон, но большая часть мусорного грунта высыпалась со стороны комплекса так называемых «терм», который, следовательно, тоже перестал существовать. Подавляющее большинство керамики (более 40 %) из этого мусора относится к амфорам причерноморского типа и сосудам с росписью ангобом, подобным найденным в гончарной мастерской у Радиогорки [15, л. 8]. Однако отсутствие среди этих материалов такой массовой для второй половины IX в. керамики, как высокогорлые кувшины с плоскими ручками, позволяет датировать засыпь до этого времени [17,

¹ Самыми поздними являются венчик и ножка позднесинопских амфор, бытовавших вплоть до первой половины IV в. [7, л. 9–11; ср.: 12, с. 207, тип II а].

² В 1898 г. при раскопках всех трех залов «терм» были найдены 4 монеты Херсонеса «периода подчинения римским императорам», 1 боспорская, более 130 монет позднеимперских и византийских императоров, но плохой сохранности, 3 монеты Юстиниана I, 13 — Василия I, 5 — Льва VI и Александра, 10 — Романа I, 1 — конца X в. и далее вплоть до Василия II и монет с «ро», когда комплекс уже не существовал и над его низко слоанными, снивелированными стенами был выстроен «целый квартал верхнего города» [3, л. 10–11, 14].

л. 10]. В поздневизантийское время, не ранее конца X в., над остатками помещений монументального комплекса строятся жилые дома из бутовой кладки на земляном растворе [14, л. 5; 7, л. 7–8, 16–17].

Итак, назначение загадочного ранневизантийского общественного сооружения, прилегающего к водохранилищу с запада, остается открытым. Если это не бани, тогда едва ли случайно здесь оказалось сделано столь много находок ступок, стеклянных флаконов, плоских сосудов-подносов, а также рюмкообразных сосудов, которые ромеи использовали как для питья, причастия, так и в качестве светильников-ламп. Они неким образом сочетаются с довольно многочисленными предметами культового характера, связанными с литургией и церковным бытом.

Уже в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич наткнулся здесь на глиняную форму для рельефных оттисков одного из распространенных типов евлогиев диаметром 9 см, с вырезанной надписью вокруг продолговатого креста с расширяющимися к концам перекрестиями и буквами «альфа» и «омега» по сторонам. С обеих сторон креста были изображены стоящие святые в длинных одеяниях и маленькие кипарисы. В восстановлении В. В. Латышева надпись, которую он датировал V–VI вв., не позже VII в., выглядела следующим образом: [Eulogi]a tou a(g)iou kai end(o)x[u om]jegalou mart[itu]m [Georgiou]¹. Кроме того, в засыпи водохранилища оказались четыре обломка глиняных тарелочек с соответствующими культовыми надписями, горшочек со словами псалма на стенке, еще один для сбора пожертвований, вероятно, для больных лепрой, бронзовые подвески для ламп, шесть штампов для изготовления евхаристического хлеба, курильницы, крышка от сосуда с крестами [20, л. 9; 22, л. 7; 23, с. 106–110, рис. 1–7]. Не исключено, что тарелочки с культовыми надписями служили для приготовления лекарств. Все это позволяет высказать предположение о существовании на месте помещений, примыкающих с запада к глухой стене водохранилища, ранневизантийской общественной лечебницы для больных.

Такие сооружения, чаще всего устраиваемые при церквях, храмах либо имевшие молельню, были известны в ромейских городах, где их называли ятрина, иеранос или просто ксенон (*iatriana, ieranosos, xenon*) [24, с. 47; 25, с. 252 (там же литература вопроса)]. По сути дела, они действительно представляли вариант ксенодохиона — приюта, в котором помещали и лечили занедуживших, тяжело хворых. Как и в случае с обычными странноприимными домами, о снабжении таких заведений всем необходимым проявляло заботу то лицо, которое само лично или через кого-либо основывало благотворительное учреждение. Крупные больницы обязательно получали собственные названия, как, например, известная в IX–X вв. даже за пределами Константинополя гостиница и одновременно лечебница Евбула. Врачи, являвшиеся одновременно аптекарями и фармакевсами, составляли лекарства, а подчас и яды, переняв у античности богатый опыт. Наряду с врачами, занимавшимися и терапией, и хирургией, существовали помощники врачей — оптионы, медицинские сестры — носокомы, заведующие аптеками — эпистеноны, фельдшеры — ипурги, кровопускатели — флевотомы, унаследованные поздней Византией. Вероятна их возможность объединяться в особые корпорации.

Обращение к врачу-ятру рассматривалось в ромейском обществе как нечто само собой разумеющееся и в VI–VII вв., и в IX–X вв., чему имеются многочисленные примеры [26, S. 127–150; 27, р. 24; 28, р. 55 ff.; 29, с. 25–38]. Достижения византийской медицины, ятрософистов — «ученых врачей» (*iatrosophistes*), «софистов врачебной профессии» (*sophistes tes iatrikes epistemes*), по выражению Феофилакта Симокатты, «людей, испытанных в искусстве Харона и Махаона» [30, с. 176 (VI. 11. 7)], воплощались в медицинских, фармакологических инструментах, среди которых были то и дело встречаемые в ходе раскопок ромейских городов каменные, мраморные и бронзовые ступы для растирания лекарств, мерные сосуды и склянки для изготовления и хранения лекарств,

¹ Предложенное восстановление имени святого вызывает сомнение, поскольку кроме Георгия подходят и другие варианты [см.: 19, с. 34–41, № 43].

ложечки, терочки, дощечки из порфира, ножи-скальпели, пинцеты. Часть того, что было обнаружено при раскопках комплекса около водохранилища Херсона, недалеко от Мертвых ворот города и малой агоры, тоже может иметь отношение к этой врачебной деятельности. Во всяком случае нет сомнений, что в VI–VIII вв. это было полностью действующее сооружение, интенсивно эксплуатируемое херсонитами и, значит, поддерживаемое в рабочем состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. — Х., 2000.
2. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1888 г.//ОАК за 1888 год. — СПб., 1891.
3. *Отчет за 1898 год*//Архив НЗХТ. — Д. № 7.
4. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1996 году //Архив НЗХТ. — Д. № 3301.
5. *Раскопки в Херсонесе Таврическом*//ОАК за 1898 год. — СПб., 1901.
6. *Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем*//ОАК за 1898 год. — СПб., 1901.
7. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 году //Архив НЗХТ. — Д. № 3434.
8. *Савеля О. Я., Филиппенко А. А.* Раскопки в Кадыковке/Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. //Архив НЗХТ. — Д. № 3123.
9. *Антонова И. А., Сорочан С. Б.* Отчет о раскопках в юго-восточном районе Херсонеса на участке «Цитадель», 1997 г.//Архив НЗХТ. — Д. № 3351/І–ІІ.
10. *Бертъе-Делагард А. А.* Раскопки Херсонеса//МАР. — 1893. — Вып. 12.
11. *Отчет за 1903 год*//Архив НЗХТ. — Д. № 12.
12. *Внуков С. Ю.* Новые типы позднесинопской амфорной тары//РА. — 1993. — № 3.
13. *Пятышева Н. В.* Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе //Экспедиции Государственного Исторического музея. — М., 1969.
14. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1998 году //Архив НЗХТ. — Д. № 3392.
15. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке «водохранилища» в Херсонесе в 1987 году//Архив НЗХТ. — Д. № 2758.
16. *Седикова Л. В.* Раскопки водохранилища в Херсонесе//Археологические исследования в Крыму. 1993 г. — Симферополь, 1994.
17. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке древнего водохранилища Херсонеса в 1988 году//Архив НЗХТ. — Д. № 2857.
18. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1989 году//Архив НЗХТ. — Д. № 2900.
19. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году//Архив НЗХТ. — Д. № 3151.
20. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1994 году//Архив НЗХТ. — Д. № 3216.
21. *Древности Южной России.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 годах с объяснениями акад. В. В. Латышева//МАР. — СПб., 1899.
22. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1995 году//Архив НЗХТ. — Д. № 3251/1.
23. *Седикова Л. В., Сидоренко В. А.* Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе//МАИЭТ. — 1996. — Вып. 5.

24. Шандровская В. С. Благотворительные учреждения в Византии по данным печатей // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2002.
25. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. — Х., 2001.
26. Magoulias H. J. The Lives of Saints as Sources of Data for the History of Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries//BZ. — 1964. — Bd. 57.
27. Duffy J. Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice//DOP. — 1984. — 38.
28. Miller T. S. Byzantine Hospitals//DOP. — 1984. — № 38.
29. Самодурова З. Г. Система подготовки врачей в Византии в VII–XIV вв. Центры медицинского обучения//Византийские очерки. — М., 1996.
30. Феофилакт Симокатта. История. — М., 1996.
31. Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). — Х., 1996.

Г. О. Пашкевич, В. В. Колода, С. А. Горбаненко

Палеоетноботанічні дані за відбитками на кераміці Верхньосалтівського селища

дним із співавторів даного повідомлення у 2002 р. було проведено обстеження частини керамічного комплексу верхньосалтівського селища, що знаходиться в Вовчанському р-ні Харківської обл. (матеріал зберігається в археологічній лабораторії Харківського педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Звіти: [5–7]). Під час огляду було виявлено 50 відбитків зернівок рослин, які надалі поступили для дослідження у відділ фізико-природничих методів в археології ІА НАНУ, де й були проаналізовані Г. О. Пашкевич (таб.).

Аналіз відбитків дав такі результати: переважав ячмінь півчастий з його різновидністю ячменем пляшковидним (*Hordeum vulgare*, *Hordeum vulgare var. lagunculiforme*) (9 та 3 відбитки відповідно); друге місце посідають відбитки жита посівного (*Secale cereale*) (7 відбитків). У великій кількості виявлено відбитки проса (*Panicum miliaceum*) (25 відбитків).

Відбитки зернівок інших культурних рослин (*Triticum dicoccon*, *Triticum aestivum* s.l.) було знайдено в незначній кількості (по 2), що, можливо, свідчить про їх незначну роль у зерновому господарстві жителів верхньосалтівського городища. Також було зафіксовано один відбиток гороху посівного (*Pisum sativum*). Із бур'янів на верхньосалтівському городищі було знайдено стоколос житній *Bromus secalinus*.

Ячмінь півчастий має такі розміри: ширина зернівки (В) коливається в межах від 3 до 4,5 мм; довжина (L) від 7,5 до 9 мм. Відповідно співвідношення L/В складає в середньому 2,3–2,5 (рис. 1, 1–2), що загалом відповідає викопним аналогам зернівок із пам'яток I тис. н. е. [17, с. 118]. Ячмінь пляшковидний: В — 3–3,7 мм, L — 8,2–10 мм (рис. 1, 3). Характерна ознака такого ячменю полягає в тому, що він потенційно шестирядний, бо бічні колоски в кожній трійці не сидять, а мають ніжку довжиною від 1 до 3 мм. Усі колоски в трійках плодючі по всьому колосу, або зрідка бічні колоски в колосі — неплодючі [3]. У даному випадку ніжка становить 2,5 мм. Ячмінь є не тільки зерновою культурою, але й фуражною і використовується для годівлі коней і при відгодівлі свиней на бекон. У середні віки ячмінь навіть називали «кінським», тому що